

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ
БОГАТЫРЬ

Москва
2022

— Дичины набили, девок тож...

— Девок набили? — ухмыльнулся Вальгар Барсучонок, сотник из природных варягов. — Это вы зря. Хошь, научу тебя, Крутояр, как с девками обходиться следует?

Глаза сотника Крутояра недобро сузились:

— Да я...

Артём положил руку ему на плечо, останавливая ссору, показал кивком головы на топчущегося с той стороны стола отрока.

— Чего хотел, Узень? — недовольно проворчал Крутояр, уставившись на своего подначального. — Говори, не мнись, как дев... тьфу, как теля!

Узень, здоровенный хмурый дружинник лет двадцати, пробасил мрачно:

— Не к тебе дело, сотник, князя хочу спросить.

— Спрашивай, — разрешил Артём.

Ему стало любопытно. Узень — дружинник из местных. «Достался» князю вместе с уличским уделом и напры- мою обращался к нему впервые.

— О брате твоём спросить хочу, — буркнул Узень. — Почему он, княже, мое место за столом занял? Обидно это!

— Думаю, он не знал, что это место — твое, — заметил Артём. — Попроси его — и он подвинется.

— А если он не захочет?

Артём бросил взгляд на ту часть, где разместились отроки. Илья устроился на самом «верхнем» краю стола младшей дружины. Ведал он или нет, что занял чужое место, но если и ведал, то это его точно не беспокоило. Уплетал за обе щеки и ничуть не смущался, что раза в полтора мельче своих соседей по столу.

— Не захочет, говоришь? — Артём перевел взгляд на Узня. — Ну так попробуй принудить.

— Но он — твой брат, княже!

— И что? Если это место твое, значит — твое. Ты отрок или девка теремная? Я должен утирать тебе сопли каждый раз, когда тебя обидят? Тогда тебе не за моим столом место, а вон там, — уличский князь кивнул в сторону «женского» стола.

— Значит, можно? — Выражение незаслуженной обиды, только что преобладавшее на квадратном, обрамленном короткой русой бородкой лице Узня сменилось предвкушающе-агрессивным. — Благодарю, княже!

И отрок вразвалочку двинул к скамье, на которой, среди прочих уличских отроков достоинством повыше, угощался от княжких щедрот Илья, Серегеев сын.

— Не зашибет? — поинтересовался княжий сотник Крутояр, провожая взглядом широкую спину отрока Узня.

— Он — мой брат. — Артём усмехнулся. — А моему брату негоже за чужой спиной прятаться. Это его должны уважать, а не меня.

— А он сумеет? — усомнился Крутояр. — Узень-то осерчал. А в гневе он — несдержан, уж я-то знаю.

— Знаешь, — согласился Артём. — Он ведь из твоей сотни. Но Илья — мой брат, — еще раз повторил уличский князь. — Я не стану утирать ему сопли. Да он и не позволит. А Узень осерчал потому, что думает, будто в своем праве.

— А разве — нет? — спросил Крутояр. — Это ведь его место.

— С чего ты взял? — осведомился Лузгай, командир лучшей сотни Артёма, сидевший по правую руку от князя. — Это княжий стол. И места за ним — все как есть княжьи. И мы с тобой тоже княжьи. Станешь спорить?

— Нет, не стану. Но если мой отрок обидит...

— Довольно! — оборвал его Артём. — Да, согласен, Илья против Узня маловат, так и я, Крутояр, росточком не вышел. А кто в этой трапезной против меня устоит?

— Я бы попробовал! — тут же заявил сидевший рядом с Лузгаем хузарин Борх. — Только — конно.

— Попробуешь, — пообещал Артём. — Но не сегодня. И не со мной, а с Ильей. А я погляжу, чему братишку твою и мои родичи прошлым летом обучили. А теперь помолчим. И посмотрим.

Отрок Узень остановился за спиной ничего не подозревающего Ильи и хлопнул парня по плечу.

От увесистого удара Илья покачнулся, расплескав мед, поставил чашу, обернулся...

За княжьем столом не услышали, что именно сказал Илье Узень — в трапезной было довольно шумно. Однако по ухмылочкам соседних Илье грядней и по вмиг закаменевшему лицу Ильи становилось понятно: сказано что-то весьма обидное.

Губы княжьего брата шевельнулись, он взял чашу и протянул ее Узню.

Тот чаши не принял. Выкрикнул что-то, махнул рукой, намереваясь выбить чашу из десницы Ильи... И промахнулся. Зато не промахнулся Илья. Чаша с горячим медом выплеснулась Узню в лицо.

Пока отрок протирал глаза, Илья тоже успел ему что-то сказать. И, надо полагать, не извинение, потому что липкие пальцы уличского отрока едва не вцепились в стриженные кружком пшеничные волосы Ильи. Однако тот не дался — нырнул под стол. Это был единственный способ уклониться, ведь по обе стороны от Ильи сидели

плечистые уличские дружинники, и не подумавшие подвинуться.

Нырнуть под стол — не самый славный путь, но Илья там задержался недолго. Извернулся, проскользнул под скамьей, вынырнул справа от разъяренного Узня и, раньше чем тот успел что-то предпринять, подпер отроку подбородок лезвием его собственного засапожника.

В трапезной к этому мигу уже оборвались все разговоры, а многие дружинники даже повскакивали с мест, чтобы лучше видеть. Так что сказанное Ильей смогли услышать даже в тридцати шагах, за княжеским столом.

— Надо тебе кровь пустить за такие слова! — выкрикнул Илья. — Но ты, не знаю, как тебя звать, — в дружине моего брата, и вежеству тебя учить — его забота! Когда я сам стану князем, то уж постараюсь, чтобы мои отроки были — не тебе чета и крепко помнили, что, оскорбляя моих гостей или родичей, они оскорбляют меня! А уж таких неуклюжих и криворуких, как ты, я даже в дворовые холопы не возьму!

— А ведь он прав, брат твой, — негромко произнес Лузгай. — Гнать надо Узня. Я в отроках лучше б себе горло перерезал, чем такое слушать. А он, вишь, стоит не шелохнется.

— В бою он не трусил! — вступился за дружинника Крутояр.

— Воин, который выбирает, когда ему трусить, а когда храбриться? Ха! — развеселился Борх.

— Нет, Свенельдич, так не бывает, — поддержал хузарина Лузгай. — Ты или хоробр, или раб.

— Илья! — прервал Артём философский спор старшей гриди. — Отпусти его, Илья! И верни нож. А ты, Узень — бегом сюда!

— Крутояр. — Уличный князь повернулся к сотнику. — Это твой человек. Накажи его сам. А потом убери его с моих глаз и с моей земли.

— За что, княже? — не выдержал Узень. — Ты же сам позволил! Я — в своем праве! Против своего слова идешь!

Крутояр, не вставая, метнул кинжал, которым резал мясо. Серебряное навершие рукояти ударило отрока в зубы. И тут же вскочившие гридни схватили Узня, поставили на колени, оттянули голову назад. Кивнет князь — и перережут горло своему выкашливающему кровь и зубное крошево соратнику. Бывшему соратнику, обвинившему батьку-князя в клятвопреступлении.

— Брат! Да ну его! Он же дурачок! Прости! Ну его к лешему!

Артём перевел взгляд на Илью, спросил строго:

— Ты его пожалел, значит, и я — должен?

Илья смутился, а взор уличского князя вновь обратился к провинившемуся дружиннику.

— Мой младший брат юн, — сказал он, — а потому добр. Но ради него буду добрым и я. Тебе, изгой, будет подарено право умереть не овцой, а воином. От клинка того из моих гридней, на кого укажешь. Отпустите его!

Узень поднялся с колен, сплюнул на пол кровавый сгусток. Действительно, дурень. Взял и вдобавок ко всему еще и дом, и тех, кто в нем живет, оскорбил. И сам не понял, что оскорбил, хотя обычаи ведал.

— Пощади меня, кн... мой господин! Отпусти!

Артём скривился, как от кислой ягоды. Узень больше не его человек. Но был им. А значит, он, князь уличский, взял в дружину неподходящего человека. Еще б Узень, аки смерд, снова на колени бухнулся...

— Крутояр, — брезгливо процедил Артём. — Не здесь, во дворе.

Сотник понял. Вытянул из ножен лежавший на лавке меч, кивнул гридням...

И Узень понял, что выбора у него нет, и наконец повел себя как воин.

Меча при нем не было (отрокам на пиру, за столом, — не положено), но на полу лежал Крутояров кинжал. Вот

его-то Узень и подхватил. Шуйцей выхватил из кармашка засапожник и приготовился умереть.

В поединке с сотником у него не было ни малейшей надежды, даже будь у Узня меч, а у Крутояра — засапожник.

Сотник неторопливо обогнул стол и — стремительный выпад, а затем падение тела. Оглушенный «плоским» ударом Узень завалился навзничь.

— Во двор его, — скомандовал Крутояр. — Очухается — пятьдесят плетей и прочь из города!

Беспамятного Узня выволокли из трапезной.

Артём одобрительно кивнул. Настроение его улучшилось. Все же не овцой оказался Узень. Зубки-то показал.

Однако в дружине уличского князя ему уже не было места.

А вот подобранному Артёмом когда-то смердьему сыну Гошке, которого теперь зовут Ильей, — есть. Но служить Илье лучше в Киеве. К бате поближе. И к столу великокняжьему.

— Что смотришь обиженно? — бросил он названному брату. — Это и есть княжья доля: знать, когда надо карать, а когда можно и помиловать. Когда-нибудь и тебе придется.

— Тогда я не хочу быть князем, — мрачно проговорил Илья.

— А кем хочешь? — Артём скрыл улыбку в густых варяжских усах.

— Воином буду, — заявил Илья. — Великим хоробром. Тем, кто славу стяжает, убивая врагов, а не казня своих!

Будь на месте Ильи кто-то из Артёмовой дружины, не избежать бы ему наказания. Но к родне уличский князь был снисходителен. Потому что — любил.

Еще он мог бы напомнить, что наказывает сейчас не он, а Крутояр, и не своего дружинника, а изгоя, но сказал иначе:

— Свои, брат, могут быть опаснее самых страшных врагов. Если вдруг окажутся такими, как этот. Иди и ешь

впрок. Завтра у тебя будет трудный день. В поход пойдете. Вот он, — кивок в сторону Борха, — согласился лично проверить, как тебя научили у его родича Машега.

— О! — Обрадованный Илья моментально забыл об Узне и о неприятных обязанностях князя. — Правда? Вот здорово! В Дикое Поле пойдём? Копченных бить?

— Кого найдем, того и побьем, брат Илья, — пообещал Борх. — Время нынче хорошее — в поле разбойников на всех хватит...

Часть первая
КАЛЕКА

ГЛАВА 1

*Моров. Илья Годун, названный сын князь-
воеводы Сергея*

Илья открыл глаза. Над ним — тот же постылый потолок. И вместо ног — уже привычная пустота.

Сон. Из прошлого. Год назад это было. Будто вечность минула. Вечность — с той поры, как он был человеком. Воином.

Разбудили Илью звуки снаружи. Людей, коней, железа... Большой отряд, копий на тридцать, не меньше.

Батя приехал.

Дверь в комнату распахнулась. Нагнувшись, чтобы не зацепить головой притолоку, в спальню вошел князь-воевода моровский Сергей.

— Здравия, сынок! — пробасил он. — Не ждал?

— Не ждал, батюшка, — проговорил Илья равнодушно.

Даже не пошевелился. Как лежал, так и остался лежать, глядя, как роятся под потолком мухи.

— Ты б хоть привстал, что ли, сын? — с укоризной произнес Духарев.

Илья вздохнул, уперся руками, поднял тулово, прислонился к пахнувшей свежим деревом (дом всего неделю назад как достроили) стене.

— Испей с дороги, господин! — Босая девка, появившаяся из клетки, подала Сергею Ивановичу ковшик с пивом. — Холодненькое, с ледника!

Духарев с удовольствием опростал ковшик, отер усы рушником, ущипнул девку за ягодицу и подмигнул названному сыну.

Илья не отреагировал. Ни на девку, ни на подмигивание. Что ему теперь девки...

— Эх, сынок, сынок... — Духарев присел на жалобно заскрипевшее под его немалым весом ложе рядом с Ильей. — Ты же — воин! Варяг! Пропустил удар — поднимись! И дерись! Ты ж моего рода! Ты жив! Не смей сдаваться!

— А что мне такая жизнь, батюшка... — тусклым голосом пробормотал Илья.

Он устал. Он держался, сколько мог. Он боролся с болью, пока была боль... Теперь боли почти не осталось, и бороться стало не с чем. И не с кем. Он — калека. На всю жизнь. Хочется надеяться, что недолгую.

— Какой я теперь воин, батюшка. Что за воин — без ног?

— А воин — это не ноги, — строго произнес Духарев. — И не руки. Воин — это дух воинский. Вот здесь! — Сергей Иванович чувствительно ткнул кулаком Илью в грудь. — И здесь! — Твердый, как сучок, палец постучал Илью по лбу. — Я — глава рода! Я тебе сказал, мальчишка, встань и иди! Значит, встал и пошел!

— Ты — старший, — согласился Илья. — Но ты не Иисус. Нет у тебя такой власти — расслабленных исцелять.

— Уже хорошо, — похвалил Духарев. — Не забыл, значит, Святое Писание. Ты прав, сын. Исцелить тебя я не могу. А вот помочь — обязательно. — Улыбка приподняла толстые, стального цвета усы воеводы. — Эй, там! Вносите!

Пара отроков, сочувственно косясь на калеку, внесла в комнату странную штуковину: деревянную раму на четырех опорах высотой локтя в три. Внутри рамы болтались ремни, похожие чем-то на корзинку боевой машины для метания камней.

— Ну-ка! — Неожиданно Духарев подхватил Илью, поднял высоко и, рывкнув отрокам: — Примите! — опу-

тил внутрь непонятной штуки. Бесчувственные ноги Ильи повисли между ремней. Еще один ремень, широкий, пошире боевого, Духарев затянул на талии Ильи. — Отлично сел! Точно по мерке! А теперь гляди! — Сергей Иванович взял у отрока и подал Илье еще две непонятные штуковины, похожие на костыли, только не с одной, а с тремя ножками, растопыренными, как паучьи лапки.

— Значит, это — подмышки, вот за эти перекладки берешься, толкаешься... Ну, чего ждешь? Или руки у тебя тоже отнялись?

Повинуясь не столько собственному желанию, сколько сердитому голосу отца, Илья сделал, что требовалось, и повис на костылях.

— Уже лучше! — похвалил Духарев. — А теперь — иди!

— Как? — не понял Илья.

— А вот так!

И показал.

И у Ильи не сразу, но получилось. «Походил» по комнате туда-сюда, наловчился немного. С непривычки руки и плечи заболели, но на такую ничтожную боль Илье — наплевать. Он даже порадовался ей. Потому что это была хорошая боль. Знакомая.

— Ну давай-ка в сени! — распорядился батя.

Илья неловко запрыгал к двери.

— А теперь на выход!

На крыльце Илья замер. Поддесятка ступенек казались неодолимым препятствием.

Илья глядел на двор, на суету в нем, на дружинников, что расседывали коней. Всё будто незнакомое. Сколько он пролежал? Сколько не смотрел на мир с высоты собственного роста? Месяц? Два? Больше? Осень уже. Вон — листва желтеет...

Вспомнилось прошлое. Вот бы сейчас разбежаться, на коня взлететь...

Илья сцепил зубы, чтоб не расплакаться. Но слезы так и так на глаза навернулись.

Рука легла на плечо. Батюшка угадал мысли:

— Не жалея себя, сын. Стыдно. — Заглянул, наклонившись, в глаза: — Ты — жив, Илья! Вот так! Сцепи зубы и живи, ясно?

— Зачем так жить, батя? — выдохнул Илья. — Что в такой жизни проку?

— В самой жизни прок, сын. Бог тебе жизнь оставил, а это не зря. Сцепи зубы и живи, ясно? Ты — воин! Ты — в роду нашем! Не посрами его! Не дай пожалеть, что сыном тебя назвал! Ног нет, рук нет — зубами вцепись, не отпусти! Верь: и похуже бывало! Сдашься — позор всем нам. Мне, Артёму, Славке. Женам нашим, что у смерти тебя отбили. Глянет на тебя старый Рёрах из-за Кромки — сплюнет и отвернется. Позор ему тебя, сдавшегося, видеть.

— Так уж и сплюнет, — пробормотал Илья. — За Кромкой-то...

— Много ты о Кромке знаешь, юнец? — одернул батюшка. — Слушай, что говорю!

«А ведь знает, — подумал Илья. — Он же — ведун».

Представилось вдруг, как смотрит на него дедка Рёрах, видит, как он, уткнувшись в стенку, лежа лежит и себя жалеет... Ух и взгрел бы он Илью палкой за такое в старые времена...

И тут вспомнилось: а ведь и батя в такой же беде был. Когда его, израненного, с Хортицы привезли. Шевельнуться не мог. Рёрах сказывал: другой бы умер, а батя — удержался. Считай, из-за Кромки его вытянули. Да разве вытянешь того, кто сам не тянется? Зубами, если больше нечем...

Вот и Илья сцепил зубы и толкнулся костылями от крыльца...

Так и грохнулся бы головой вниз, кабы батя не подхватил, не выправил. Ходунцы ударили в землю, заскрипели, но не сломались. Илья тоже заскрипел. Зубами. Потому что боль спину рванула — как в худшие времена. Илья еле крик сдержал, сжался весь... Ну, как не отпустит теперь?

Отпустило.

Батя тоже вздохнул облегченно: угадал, что полегчало.